

РЕЦЕНЗИЯ

на реферат выпускной квалификационной работы

магистра филологии

Максима Валентиновича КУЖЛЕВА

по теме:

**«Повесть об убиении Андрея Боголюбского в контексте летописного
повествования XI – начала XIII вв.»**

В своем магистерском сочинении М. В. Кужлев рассматривает древнерусскую повесть, посвященную одному из самых драматичных эпизодов русской истории – убийству в ночь с 28 на 29 июня 1174 года владимирского великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского. Хотя эта повесть уже не раз являлась предметом исследования на протяжении минувших полутора столетий, мнения разных авторитетных учёных о её происхождении и взаимоотношении вариантов существенно расходятся между собой, поэтому новое обращение к анализу текста представляется обоснованным и актуальным.

Работа М. В. Кужлева построена традиционно: она состоит из Введения, двух исследовательских глав и Заключения, а также Библиографии.

Во Введении соискатель рассматривает историю изучения Повести, наиболее подробно останавливаясь на трудах К. Н. Бестужева-Рюмина, М. П. Погодина, И. П. Хрущева, Н. И. Серебрянского, А. А. Шахматова, М. Д. Присёлкова, Е. Ю. Перфецкого, А. Н. Насонова, И. П. Еремина, В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачева, С. А. Бугославского, О. В. Творогова и других авторов. Обзор литературы выполнен М. В. Кужлевым тщательно и квалифицированно, ему удалось успешно разобраться в сложных текстологических аргументах своих предшественников. В то же время,

историографический раздел можно и нужно было бы дополнить указаниями на исследования И. Я. Фроянова (например: *Фроянов И. Я.* Древняя Русь IX—XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2014), Ю. В. Кривошеева (например: *Кривошеев Ю. В.* 1) Андрей Боголюбский и его окружение (три этюда) // Исследования по русской истории. СПб.; Ижевск, 2001; 2) *Он же.* Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. СПб., 2003), и особенно А. В. Назаренко (*Назаренко А. В.* Андрей Юрьевич Боголюбский // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 393-398), В. А. Кучкина (*Кучкин В. А.* Летописные повествования об убийении кн. Андрея Боголюбского // Письменные памятники Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 64–65) и А. Ковалёва (*Ковалёв А.* Убийство Андрея Боголюбского и его освещение в памятниках летописания // Электронны навукowy часопіс SCRIPTORIUM: Гісторыя старажытнага свету і сярэдніх вякоў. Мінск, 2010. № 2 (6). URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91494>). Кроме того, у Г. Ю. Филипповского, помимо отмеченной в работе статьи 1986 г., имеется и более поздняя обобщающая монография (*Филипповский Г. Ю.* Столетие дерзаний: Владимирская Русь в литературе XII в. М., 1991), в которой повести уделено немало страниц. Пожалуй, было бы уместно упомянуть и о прошлогоднем открытии при реставрации Спасо-Преображенского собора в Переяславле-Залесском надписи конца XII века, содержащей имена 20 заговорщиков — убийц князя, а также описание обстоятельств убийства.

В Главе 1 («Повесть об убийении Андрея Боголюбского и типы летописного повествования XI – начала XIII вв.») М. В. Кужлев аргументированно и справедливо относит версию Повести в Лаврентьевской летописи к жанру княжеского некролога, а версию Ипатьевской летописи – к жанру летописной агиографической повести. Существенным представляется вывод соискателя об ориентации автора версии текста в Лаврентьевской летописи не на современные ему киевские некрологи последней трети XII в.,

а на более ранние жанровые образцы – княжеские некрологи «Повести временных лет» (XI – начало XII вв.). Рассматривая летописные тексты, относящиеся к жанру княжеского некролога, исследователь напрасно не обратил внимания на весьма существенные для изучаемого вопроса труды украинского историка А. П. Толочко (см., например: *Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005*).

Далее исследователь переходит к текстологическому анализу вариантов повести в составе Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, чему посвящена Глава 2. Возражая многим своим предшественникам, М. В. Кужлев (вслед за М. П. Погодиным, К. Н. Бестужевым-Рюминым и особенно А. Н. Насоновым) рассматривает варианты повести не как «первичный» и «вторичный», а как независимо друг от друга восходящие к общему несохранившемуся источнику (архетипу), по-разному сокращенному и дополненному в версиях Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Примеры, подтверждающие вторичность версии текста в Лаврентьевской летописи, весьма убедительны (Таблицы 1-4).

Дальнейший анализ текстов приводит соискателя к важному выводу: «сам архетип повести обладал составным характером» (с. 53). Вообще высказанная М. В. Кужлевым мысль о том, что «в контексте летописного повествования» повесть представляла собой «комплекс текстов, различных по своей жанровой ориентации: погодная запись, некролог, рассказ, агиографическая повесть» (с. 25), представляется новаторской и заслуживающей внимания. Для большей наглядности хотелось бы увидеть в работе если не реконструкцию этого архетипа, то хотя бы подробное описание его состава. Кроме того, не совсем понятен аргумент М. В. Кужлева, на основании которого он датирует создание версии Лаврентьевской летописи временем после рождения князя Константина в 1186 году – ведь упоминание «благородных детей» Всеволода Юрьевича вполне может относиться не к сыну, а к его дочерям, родившимся несколько раньше этого года. Недостаточно аргументированным представляется также

выделение 13 фрагментов текста, дополненных, по М. В. Кужлеву, киевским редактором (версия Ипатьевского списка). Собственно говоря, подробная аргументация приведена в работе только по двум примерам - третьему (описание ночной молитвы князя) и четвертому (о нищелюбии князя), другие же одиннадцать предполагаемых амплификаций (или интерполяций) киевского летописца соискателем лишь декларированы, но никак не обоснованы. Очевидно, что текстологический анализ, действительно, «требуется дальнейшей разработки», в том числе и обязательного привлечения к рассмотрению летописных версий последующих веков, о которых в работе сказано только одна фраза («В период создания общерусских летописных сводов XV-XVI вв. южнорусский и северо-восточный варианты повести соединяются составителями сводов, сокращаются и перерабатываются» - с. 14-15). Как известно, привлечение к текстологическому анализу всех сохранившихся версий произведения, в том числе поздних и вторичных, зачастую позволяет прояснить спорные вопросы ранних этапов истории текста и уточнить лежащие в исторические факты (см., например: *Кузнецов А. А. Сведения источников XV-XVII вв. об участии в убийстве Андрея Боголюбского его жены // Исследования основе по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И.Буганова: Сборник статей. М., 2012. С. 23-32*). Можно было бы привлечь к рассмотрению также посвященные сюжету об убийстве Андрея Боголюбского миниатюры Радзивилловской летописи (XV в.) и Лицевого летописного свода (XVI в.).

В работе М. В. Кужлева, к сожалению, имеются опечатки и стилистические погрешности (незначительное количество, например: «...обладает единством композиционной структурой, состоящей из трех частей» - с. 27; «...своды XII в. включают свыше двадцати княжеский некролог» - Там же; «Особую любовь князя к монашеству подчёркивается и в похвале Ярославу...» - с. 31).

Несмотря на высказанные замечания, магистерская работа М. В. Кужлева представляет собой самостоятельное научное исследование, основные выводы которого представляются достаточно обоснованными и достоверными.

В целом работу можно признать состоявшейся и допустить М. В. Кужлева к вступительным экзаменам в аспирантуру ИРЛИ РАН.

Доктор филологических наук

А. Г. Бобров

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Отдел древнерусской литературы.

Ведущий научный сотрудник.